

Николай Липницкий

18+

Там, за краем этого мира

Николай Липницкий
Там, за краем этого мира

«Автор»

2019

Липницкий Н. И.

Там, за краем этого мира / Н. И. Липницкий — «Автор», 2019

Мироздание настолько сложно, что не укладывается в ту схему, которую мы себе расписали и обозвали наукой. Наш мир не единственный. Их множество и все они разделены тонкими мембранами. Но иногда мембрана между мирами надывается. Тогда кто-то попадает в эту трещину и оказывается на той стороне. Там, за краем этого мира, лежит другой, странный, опасный и непредсказуемый. Но, человек всегда остаётся человеком и в любой ситуации старается не просто выжить, а ещё и наладить свою жизнь и свой быт.

Николай Липницкий

Там, за краем этого мира

В таких случаях говорят: повезло. А ещё: в рубашке родился. Я брёл по заснеженному лесу, перед глазами двоилось и только последние лучи отправляющегося на покой солнца ещё освещали мне дорогу. Похоже, что головой я ударился неслабо, так как сориентироваться, никак не получалось. Всё вокруг казалось мне знакомым и, как будто, совсем незнакомым. По крайней мере, на дорогу выйти, никак не удавалось. И ни огня, ни дыма. А машина загорелась, я точно видел. Именно поэтому и сиганул в лес, поглубже, чтобы под взрыв бака не угодить.

А начиналось всё очень даже неплохо. Светлый, безоблачный январский денёк, лёгкий морозец, папка с удачно подписанными договорами на крупные партии спорттоваров для министерства образования, лежащая на переднем пассажирском сиденье, и пустая дорога, пересекающая лес, словно арктический ледокол бескрайние ледовые поля. Душа пела. Я эту бабу из министерства не один месяц обхаживал, и, наконец, сегодня, всё свершилось. Именно поэтому я бросал нежные взгляды на эту дешёвую папочку зелёного пластика, в которой сейчас лежали бумаги на несколько десятков миллионов американских рублей. Было от чего радоваться.

Олень выскочил из леса неожиданно, и мне ничего не оставалось, как утопить педаль тормоза в пол. Машину занесло и я, как учили, стал выворачивать руль в сторону заноса. У инструктора этот трюк получался даже очень хорошо. Вот, только я не инструктор. У меня ничего не вышло. С замирающим сердцем я смотрел, как моя гордость, мой Мерседес С63SAMG, в неуправляемом заносе слетает с трассы и летит напрямик в мощную старую сосну.

Удар пришёлся в правую сторону, сминая пассажирскую дверь и салон. Зелёная папка полетела куда-то вниз, а потом в лицо ударила подушка безопасности, сбоку слева прилетела другая и я отключился. Впрочем, тут же пришёл в себя. С трудом открыв дверь, я вывалился в снег и тут же увидел, как над смятым капотом потянулся дымок, а потом с лёгким хлопком взметнулось пламя, сначала робкое, но через минуту наглое и напористое, с гулом пожирающее окраску машины под серебристый металл.

Я сунулся назад в салон в поисках заветной папки, а потом, вспомнив, что, буквально полчаса назад заправил в придорожной заправке полный бак, рванул подальше в лес. Ветки хлестали по лицу, глубокий снег хватал за ноги, а я бежал, каждую секунду ожидая взрыва. Однако, бак не взорвался. Сидя в каком-то овраге, я ругал себя последними словами за всё сразу. И за спешку, с которой выехал из столицы, и за скорость, с которой летел по этой трассе, и за то, что когда-то, посмотрев, как выделяет свои кренделя инструктор, так и не сподобился пройти курс обучения езды по гололёду. И дело, вроде, нужное, а всё некогда. Дела, что б их.

И, всё-таки, где дорога? Неужели, я перепутал направление и сейчас иду в другую сторону? Мороз крепчает, и я в своих щёгольских полусапожках и кашемировом пальтишке стал довольно ощутимо подмерзать. Перчатки так и остались в бардачке, а шапку я вообще никогда не носил. Да и зачем она мне, когда всего-то и ходьбы по улице, из машины и в машину. Тут и перчатки, в принципе, не нужно, но этот аксессуар, скорее, дело имиджа. Лайковые, тонкой выделки, облегающие кисти, словно вторая кожа, они мне нравились.

Неужели придётся вот тут, в этом лесу, замёрзнуть в каком-нибудь сугробе? Господи, глупо-то как! Ног я уже не чувствовал, как, впрочем, и пальцев на руках. Даже уши уже перестали мёрзнуть, а это плохой признак. Как бы не отвалились. Передвигаясь, как на протезах, я тупо пёр вперёд, наугад, уже ни на что не надеясь. Просто не в моих правилах сдаваться, хоть и хотелось забиться под какую-нибудь ель и, свернувшись калачиком, прилечь. Тем более там, под густыми лапами, было так уютно и, наверное, тепло.

Охотничья заимка словно выросла из-под земли. Вот, только что были сплошные деревья, а тут, вдруг, раз, и поляна со стоящей на ней небольшой избушкой, приземистой, словно вросшей в землю своими обледенелыми брёвнами, с низкой покатой крышей, крытой тёсом, и маленькими оконцами. Не веря себе, я растёр уши и лицо снегом, на непослушных ногах прошёл к сложенному из двух крупных валунов крыльцу и, выбив упор, рванул на себя разбухшую дверь. Внутри было теплее, чем на улице, хоть и помещение основательно выстыло. Первое, что я сделал, это, пробив лёд в деревянной кадке с водой, сунул туда руки.

Дождавшись жгучего покалывания в кистях, когда тепло вошло в каждую клеточку застывших ладоней, я вынул руки, растёр их внутренней стороной пальто до жжения в пальцах, и бросился к кривобокой печи, стоящей посередине единственной комнаты. Хвала тем, кто последним останавливался здесь! Запас дров и бересты был, как и огниво на полочке печи. Хмыкнув, я с удивлением рассматривал обломок косы и кусок кремниевой породы с характерным горьковатым запахом.

Повертев в руках сей раритет, я опять хмыкнул. Совсем не похоже на те огнива, что входят в туристические наборы. Там всё красиво и компактно: кресало из мишметалла и кремь из закалённой стали. Тут же, в холщовом мешочке был и трут. Пользоваться этой древностью я не рискнул и достал свою «Зиппо». Огонь удалось разжечь раза, наверное, с десятого и, после того, как дрова схватились, и живительное тепло стало распространяться по комнате, я скинул с ног ботинки и принялся растирать ступни. Вроде, обморожения нет. Хоть в чём-то повезло.

Чувствуя, что оживаю, я полазил по шкафам, отыскал там замороженный кусок хлеба и холщовый мешочек гречки. Не бог весть, что, но голодным я сегодня не останусь. Опять спасибо безвестным посетителям заимки. Снег в чугушке растаял довольно быстро, и вскоре по избушке разлился аромат варящейся гречки. Рядом, на печи, уже исходил паром отогревающийся хлеб, и, впервые за эти несколько часов, я улыбнулся.

Андрей бежал по заснеженному лесу. Мороз был сравнительно небольшим, снег уютно поскрипывал под широкими короткими охотничьими лыжами, а тропа привычно петляла между деревьями. Улов сегодня был не ахти. Многие ловушки были пусты, из пары пришлось выбросить облезлых зайцев, явно побывавших в радиоактивных пятнах, и только в трёх попалась годная в еду дичь. Что-то в последнее время с охотой вообще тяжело стало. Ещё стылые места задвигались. Раньше стояли по нескольку лет, а сейчас, в любой момент поползут. И неизвестно куда. Одно недавно к самой ограде деревни за ночь добралось. И, как всегда, полезла всякая гнусь оттуда. Ограда-то от дыхания стылого хрупкая, словно весенний ледок, сделалась. Они её на раз проломил и в деревню. Насилу тогда отбились. Дядьке Тарасу ноги тогда стылью прихватило. Сразу отвалились.

Так и по лесу. Бежишь и по сторонам смотришь, как бы, куда не влететь. Из деревни Андрюха вышел ещё затемно, поэтому подкрепиться сейчас не мешало бы. Вспомнилась заимка, которая стояла неподалёку ещё со времён Лиха. А почему бы и нет? Хоть не под открытым небом в сугробе промёрзший хлеб с холодной зайчатиной глотать. Решено. Андрей свернул направо, нырнул под низко опущенную ветку и побежал к знакомой поляне.

Запах дыма он почуял ещё издалека. Явно кто-то топил печку. И единственная печка на всю округу, это та самая, что стоит на заимке. Странно. Об этой избушке мало кто знает. Стоит она в стороне от хоженных мест, в тупике, охваченная с трёх сторон болотиной. Пусть это и зима, но гиблые места и в сильные морозы не замерзают. Достаточно только попасть, никто не найдёт. Но, ведь, Андрей ясно видел, как над трубой в синее небо тянется струйка дыма. И кто это может быть?

На всякий случай, не высовываясь из кустов, он оглядел поляну. Судя по следам, на заимке был кто-то один. И, что необычно, он пришёл пешком по глубокому снегу, а не приехал на лыжах, как и положено. Убрав автомат за спину, парень вытащил свой засапожник и,

стиснув покрепче рукоятку, метнулся к двери и присел, прислушиваясь к тому, что делается внутри. Слышно было, как неизвестный прохаживается по дому, чем-то гремит, натужно кашляя и чертыхаясь.

Андрюха потянул дверь, и она легко подалась. Не заперта. Судя по жёлтым разводам у угла дома, этот кто-то выскочил за угол до ветру, а потом вернулся в дом, даже не потрудившись запереться. Андрюха недоумённо покрутил головой. Так люди себя не ведут. Ладно, особо сквозь бычий пузырь подходы к дому не проконтролировать, но элементарно озаботиться тем, чтобы кто-нибудь опасный не проник в дом, это совсем умом слабым надо быть.

Осторожно приоткрыв дверь пошире, он скользнул в сенцы, прикрыл за собой и, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку, весь превратился в слух. Судя по звукам, поведение незнакомца не изменилось. Это уже вообще ни в какие ворота не лезет. Как можно не обратить внимания на поток холодного воздуха, неизбежно появившийся при открывании двери? На улице-то далеко не лето. Холодом по ногам всяко должно было просквозить. Чу. Незнакомец затих. Почувал чужое присутствие, или просто присел где-то и, например, задремал?

Осторожно, почти не дыша и развернув нож обратным хватом, Андрей выглянул из-за притолки. Широкие полаты, которые обычно использовались в качестве лежанки, слегка выглядывали из-за печи. И на ней лежал незнакомец, потому, что явно были видны его ноги в сапогах. Поспать решил, видимо. Ещё обдумывая, чем же знакома ему эта обувь, он шагнул за порог и, получив удар в челюсть, полетел на пол. Тёмная тень метнулась сверху, и кто-то сильный больно заломил ему руку.

С утра я поднялся с жёсткой широкой лавки и стал разминать затёкшее тело. Ужасно неудобно было спать на ней, но, хоть, тепло. Лавка была поставлена за печкой так, чтобы можно было получить максимум тепла. Небольшой закуток со слепой стеной, от возможных сквозняков со стороны двери закрывает массивная туша печи, всё это позволило отогреться после вчерашнего блуждания по зимнему лесу. Состояние было такое, будто меня всю ночь пинали по всему телу. Голова была пустой, словно церковный колокол. Немного знобило, и появился кашель. Видимо, простыть я всё-таки умудрился.

Следовало поторопиться, чтобы выбраться из этого леса и попасть в цивилизацию. Не хватало сейчас прямо вот здесь свалиться с температурой. Выскочил за угол, облегчился, потом подкинул в печь дровишек и пошарился по дому. К сожалению, ничего, кроме старых рваных сапог и грязного, ветхого, брезентового дождевика не нашлось. Значит, опять придётся бежать по лесу в своих полусапожках на тоненькой подошве, кутаясь в кашемировое пальтишко. Айфон категорически отказывался ловить хоть какую-то сеть, выдавая в левом верхнем углу экрана надпись: «Нет сети». Вот, что за глушь такая? Связи, и той нет. Даже спасателей не дозовёшься.

За окном, затянутым, то ли целлофаном, то ли ещё чем-то таким же мутным, мелькнула тень, и я насторожился. Ещё не хватало, чтобы какие-нибудь мужички лихие пожаловали. Сразу, словно кипятком окатило. Я вспомнил о том, что не запер за собой дверь. И оружия никакого. Не выдавая того, что заметил чужое присутствие, я прошёлся по комнате, взял рваные сапоги и уложил на лавку, сунув в каждый по полену так, чтобы от двери создавалось впечатление лежащего на лавке человека, а сам, обойдя печь с другой стороны, встал у самого косяка, затаившись. Особенно трудно было сдерживать кашель, буквально рвущийся наружу. Пришлось уткнуть рот в сгиб локтя и почти беззвучно содрогаться всем телом при каждом приступе.

По ногам мазнул сквознячок, потом посильнее, и раздался шорох осторожно входящего в сени человека. Кажется, он был один. Собравшись, словно сжатая пружина, я приготовился к нападению. В том, что это злодей, я нисколько не сомневался. Не будет порядочный человек вот так, крадучись, заходить в дом. Даже кашель отступил куда-то, то ли от страха, то ли от

адреналина. Наконец, из-за косяка показалась голова какого-то мужичка в треухе, и я с размаху, что есть силы, залепил ему в челюсть.

Мужик стал заваливаться, нож, выпавший у него из рук, полетел на пол, а я, увидев у него за спиной автомат, не теряя времени прыгнул сверху и стал заламывать ему руку. А то ещё начнёт пулять во все стороны. Так надёжнее будет. Сдёрнув оружие и связав ему руки за спиной своим ремнём, я усадил его у стены и, подвинув грубо сколоченный табурет, уселся напротив, рассматривая смертоносную машинку. АКСУ-74. И довольно старое. Треснувшее цевьё, стянутое полосками кожи, разболтанная рамка приклада и порыжевшая сталь.

Досталось машинке, ничего не скажешь. Какой-то нынче разбойник небогатый пошёл. Да и за оружием лучше следить надо. Ему бы прапорщика Нечитайло, который гонял меня на заставе, когда я служил в армии. Из туалета бы не вылезал. Я аж плечами передёрнул, вспомнив, как чистил нужник только за то, что на поршне возвратно-спускового механизма он нашёл маленькую полоску нагара, которую я по небрежности пропустил.

Молодой парень, а это был действительно молодой, почти мальчишка, ошалело крутил головой, в ужасе косясь на меня глазом. На скуле наливался хороший такой синяк. Ага, перепугался! А нечего подкрадываться к порядочным людям с ножом в руке и с автоматом за спиной. Что, думал, раз городской, то лох? Не на того напал.

– Ты кто такой? – на правах сильнейшего приступил я к допросу.

– Андрюха я, – плаксивым голосом ответил пленник. – Охотник. А ты кто такой? Автомат отдай!

– Это с каких пор охотники с автоматом на охоту ходят?

– А с чем ещё ходить?

– И, как, удобно зверя из Калаша бить?

– Какого ещё Калаша? Никого я не бил!

– Как же ты тогда охотишься.

– Как? Как и все. Ловушки на зверя ставлю. Как ещё?

– А автомат тогда зачем, – чувствуя, что беседа пошла по кругу, удивился я.

– Дык, мало ли. Стылые места задвигались. Не ровен час, на пути появится. Тогда от гнуса отбиваться. На мутанта можно нарваться, тогда тоже отстреливаться придётся. Шатуны попадают.

– Медведи, что ли?

– Какие медведи? Люди, которые через гибель прошли.

Что-то мне всё хуже становится. Голова пустая и какая-то тупая. Мысли путаются и толком ничего не могу понять. Да ещё и холодно, несмотря на то, что печь топится.

– погоди, что ты мне гонишь? Какие стылые места, какие шатуны, какая гибель? Что за сказки? Двадцать первый век! Семьдесят километров от столицы!

Парень смотрел на меня с широко открытым ртом, и, казалось, ничего не понимал из моей речи. Даже, по-моему, бояться забыл. Глядя на его ошарашенное лицо, я почувствовал, как по спине побежал холодок. Это, что такое происходит? Парень явно верил про то, что говорил. И рассказывал про все эти необычные вещи, как про само собой разумеющееся. И смотрел на меня, как на придурка. А, кстати, может он действительно из психбольницы сбежал? С автоматом? Тоже не сходится. Решившись, я развязал ему руки и кивнул на лавку, стоящую возле стола, склоченного из толстенной доски. Меня шатнуло, и я тоже поспешил плюхнуться на лавку с другой стороны. Да, что же так холодно?

– Автомат отдай, – растирая затекшие запястья, хмуро попросил парень.

– Успеется ещё. Я, пока, тебе не доверяю. Вот так верну, а ты мне очередь в спину.

– Больно надо патроны тратить. Чай, они под каждым кустом не растут.

– Ты, лучше, расскажи, что у вас такое за прошедшие сутки произошло, что так кардинально изменилось.

– Ничего не произошло.

– Ну, как же? Сам же говорил, что погибель, шатуны, заморозки всякие.

– Стылые места, – поправил меня парень.

– Что?

– Не заморозки, стылые места.

– Без разницы. Откуда это всё взялось?

– Так, это всегда со времён Лиха было.

– Какого лиха?

– Я точно не скажу, но давно, ещё до моего рождения, на Землю Лихо спустилось. Старики говорят, что, якобы со звёзд. Раньше, бают, хорошо жили. Охотиться не надо было, на людей никто не нападал, люди без забот и хлопот жили. Каждый своим делом занимался и за это бумажки какие-то получал.

– Деньги, – машинально вставил я.

Мне становилось всё холоднее. Уже зубы стали отбивать еле сдерживаемую чечётку. В голове стал расти чугунный шарик, сначала небольшой, но с каждой минутой становящийся всё больше и отдающийся в затылке ломящей болью.

– Вот-вот! Дед Кузьма так же их называл. За эти бумажки можно было, что хочешь в специальных лавках или на торжище взять. Хочешь – одежду любую, хочешь – дичь разную. Хорошо! А тут, чтобы семью прокормить, полдня по лесу бегать надо, ловушки проверять. А сейчас и того больше. Дичь уходит куда-то.

Голова разболелась и начало знобить сильнее. Нет, я вообще, слышал, что за МКАДом жизни нет, но не настолько же! А, может, он действительно псих? И угораздило же! И, ведь, так хорошо вчера всё начиналось. Успешное подписание договоров, первый транш прошёл, из Москвы, на удивление, почти без пробок выехал. А потом, как отрезало. Свой Мэрс разбил, в лесу заблудился, а теперь ещё и ненормальный этот.

– Слушай, а ты меня на дорогу вывести можешь? – вдруг пришло мне в голову.

А, что? Если он местный, то знает, где трасса. А там, попутку поймаю и до ближайшего отделения полиции. Пусть ловят психов с автоматами те, кому положено.

– Тракт-то? Знаю.

– А меня отвести можешь туда?

– Автомат отдашь, отведу.

– Ты приведи меня туда, а там верну я тебе оружие, не бойся.

– А что ты там хочешь? По этому тракту же лет десять никто не ездит. Стылые места через каждые пять вёрст встречаются.

– А другая дорога?

– Тебе тракт нужен, или простая дорога?

– Мне большая трасса нужна.

– Дык, это тракт и есть.

Псих, он и в Африке псих. Мало ли что в его голове творится? Может, он машины за монстров принимает, а придорожные кафешки стылыми местами называет. Я поднялся и повесил автомат на плечо. Внезапно чугунный шар в голове качнулся, меня повело в сторону и предметы в комнате начали раздвигаться. Разум охватила апатия, и хотелось только одного: лечь, закутаться потеплее и спать. Кто-то подхватил меня под локоть и куда-то повёл. Потом я почувствовал, как с плеча стаскивают автомат, но мне уже до этого не было ни какого дела. Только согреться и спать. Трясло так, что лязгали зубы, и сводило конечности. Мертвенный холод прошёлся по ногам и сконцентрировался в груди ледяным комком.

Когда этот непонятный незнакомец, вдруг, начал заваливаться на бок, Андрей чисто рефлекторно его поддержал, а потом, видя, как побледнело его лицо и, чувствуя жар, исходящий от его тела, потащил к лежанке. Первая радость от того, что он сейчас вырвется из плена, в который угодил по неосторожности, быстро сменилась вопросом: что дальше делать? С одной стороны, этот мужик на него напал. Коварно подстерёг и набросился, ударив, связав, да ещё и отобрав автомат.

Парень потёл припухшую и болевшую скулу. Есть все основания бросить этого незнакомца здесь и уходить, пока он не очнулся. Но, с другой стороны, Андрюха и сам прокрался в дом тайком, да ещё и с ножом в руке. И, неизвестно, как развивались бы события, если бы он застал этого мужика врасплох. Незнакомец просто проявил бдительность и действовал на опережение. Ну, и перехитрил Андрюху. Да и сам по себе, видимо, человек неплохой. Не лихой, это точно. Лихих людей, промышляющих на дорогах, Андрей видел. Те – другие.

Мужик застонал и стал метаться на лежанке, что-то неразборчиво бормоча. Андрей посмотрел на него, подумал и, подбросив дров в печь, поставил в горнило котелок с водой. Нужные травы всегда есть в котомке охотника. Без них никуда. Тут и сбор от укуса гадюки, и от живота, и от головных болей. Да мало ли какие напасти в лесу ждут? Был там сбор и от простуды. Вода в котелке закипела, и он, высыпав туда щедрую щепоть перетёртых в труху сушёных трав, поставил его томиться на шесток. Пока отвар настаивался, он, отыскав в избе кое-какое тряпье, как мог, укутал незнакомца.

Решение пришло быстро и как-то спонтанно. Дождавшись, когда отвар в котелке немного остынет, он перелил его в кружку, напоил мужика и, убедившись, что тот, успокоившись, наконец, уснул, вышел из дому и, нацепив лыжи, помчался в деревню. И снова скрип снега под лыжами, свист ветра в ушах и лыжня, петляющая между деревьями.

Иван сидел в жарко натопленной избе и, отдуваясь, пил чай со смородиновым листом, поглядывая на шаньги, сложенные горкой на блюде. Выглядели они аппетитно и призывно манили к себе, но больше не лезло. И так три огромных куса слопал. Жена привычно копошилась рядом, а у печи фыркал кот, вляпавшийся в горку золы, просыпавшейся из поддувала. Он любил вот так, спокойно, посидеть в тепле и уюте и подумать о деревенских делах и заботах. А их у старосты всегда немало.

На крыльце раздались шаги, и кто-то шагнул в сени, шумно стряхивая с ног снег. Дверь открылась, и в горницу в клубах морозного воздуха ввалился Андрюшка, молодой охотник, сын вдовы Натальи. Следом в дом ворвался холодный уличный воздух, и Иван замахал руками.

– Дверь закрывай, охальник. Всю избу выстудишь. А дрова, чай, сами не рубятся и в поленицу не складываются.

– Дядька Иван! Я в лесу человека нашёл!

– Какого ещё человека? Шатуна, что ли?

– Нет! Человека! Правда, он странный какой-то, но точно не шатун.

– Чем же он странный?

– Одет необычно. Не по-нашему и не по погоде. Лыж нет, оружия нет, сапоги короткие, хлипкие, а одежда... В такой даже коров пасти неудобно. Да и говорит странно.

Широкие, кустистые брови старосты поползли вверх. Уже с интересом глядя на охотника, он поднялся из-за стола и прошёлся по горнице.

– Где, ить, ты его сыскал?

– На старой заимке, что у болотины. Сам удивился, когда его нашёл.

– Это он тебя? – кивнул Иван на начинающую наливать лиловым скулу.

– Он.

– И где он сейчас?

– Там остался. Хворый. Простудился сильно. Жаром мается. Я его отваром напоил, и сюда сразу.

– Беги к Захару. Пусть сани запрягает. Сюда его привезём, а то, как бы он там не преставился. Давно их не было.

– Кого?

– Случайников.

– Это, что, случайник был?

– Ну, а кто же? Судя по тому, как ты его описал, случайник и есть.

– А, разве они так появляются?

– По-разному. Никогда не угадаешь, где на них наткнёшься. Это сейчас их нет. Вон, твой, за несколько лет первый. Я уж думал, что больше не будет их. А, ить, появился. Раньше-то их много было. Иной раз прямо посреди деревни проявлялись. Ну, чего уши развесил? Беги к Захару шибче. Надо этого твоего случайника с заимки перевозить. И, скажи, пусть тулуп в возок кинет. А то только труп мороженный привезём.

– Я мигом, – крикнул Андрей откуда-то из сеней.

– Мигом, – передразнил его Иван и задумчиво пожевал губами. – Мигом. Кому миг это миг, а кому и вечность.

Я открыл глаза и уставился в белёный дощатый потолок. Было тепло, да и лежалось удобно и мягко. Что-то не то. Никак не могу вспомнить, как я сюда попал. На апартаменты гостиницы не похоже, на мою дачу – тоже. И, уж, точно я не дома. Осторожно огляделся. Деревенская изба. Именно такая, какую я помню из своего детства. Тогда меня, ещё совсем сопливого мальчугана, родители привозили в деревню к бабушке. Запах чего-то слегка прелого, бревенчатая стена, тепло от белёной русской печки, домотканые дорожки на полу и тканевая занавеска, огораживающая закуток за печью, где я лежал. И как я сюда попал? Точно помню, что выехал на своём Мерседесе из Москвы.

Словно током прошибло от того, что внезапно вспомнилось всё: олень на дороге, неуправляемый занос, неумолимо приближающийся ствол сосны, пламя, с гудением вырывающееся из-под капота, заснеженный лес, заимка и паренёк с автоматом. Жаль, что это всё не оказалось сном. А, хотелось бы надеяться. Однако, это место тоже никак не могло быть той заимкой, в которой я вырубился. Или, всё-таки, парнишка меня вырубил? Да нет. Он передо мной сидел. Никак не мог. Значит, сам. Помнится, тогда и голова болела, и знобило не подетски. Видать, сильно простыл во время своего блуждания по лесу. Вот и вырубился на самом интересном месте.

А, всё-таки, где я? Перина, пуховая подушка, лоскутное одеяло. Где-то там, за печкой, за занавеской раздались шаги, звяканье посуды, и потянуло чем-то вкусным. У меня даже кишки скрутило и в животе заурчало. Только теперь дошло, насколько я голоден. Откинув одеяло, я сел в кровати и с удивлением оглядел себя. Что за дела? Это, кто же меня так придел? Грязно-белая рубаша и такого же цвета кальсоны на завязочках. Что-то подобное я в последний раз в армии носил, на заставе. Нам зимой выдавали, а в летний период уже трусы с майкой, как нормальным людям положено.

Слегка обалдевший, я поднялся и, чувствуя слабость во всём теле, прошлёпал за занавеску. Ну, так и есть. Изба. Жарко пылающий огонь в печи, несколько сундуков у бревенчатых стен, стол у окна, пара лавок вдоль него и тиканье ходиков на стене. Да, ещё иконостас с лампадкой в углу. Женщина, возившаяся у печи, вскинулась, посмотрела на меня и, всплеснув руками, скрылась за дверью. Ничего не понимая, я оглянулся по сторонам и, заметив на одном из сундуков сложенную стопкой свою одежду, принялся одеваться.

Кто-то перестирал всё, и сейчас одежда радовала меня своей свежестью. Правда, пиджак, никак не предназначенный для того, чтобы его стирали в корыте, топорщился в разные стороны и никак не хотел садиться по фигуре. Но это меня как-то не огорчало. Новый куплю. Больше я переживал по поводу той зелёной папочки, сгоревшей, скорее всего, в машине. Но

и это не критично. Мне бы только до места добраться, а там, побегать придётся, конечно, но восстановить можно. Сделка-то уже совершена, и первый транш ушёл. Интересно, а где пальто и полусапожки? Не умыкнули, случайно?

Дверь открылась, и в комнату вошёл косматый мужик с густой бородой веником.

– Оклемался, болезный? – вполне дружелюбно пробасил он.

– Да уж, – только и сумел я буркнуть.

– Ну и горазд ты болеть! Два дня колодой лежал. Пришлось за Степанихой посылать.

Но, ничего, отходила она тебя.

– Кто вы? Где я вообще нахожусь?

– Я – Иван, староста деревни. Тебя Андрейка на заимке нашёл. Но, мы сподобились, сани организовали, перевезли тебя сюда. Шибко ты застудился. Да и не мудрено в одежке такой. Это где так зимой ходят? В Африке, что ль?

– Да нет. Поближе. Спасибо вам за всё. А можно мне на трассу как-то выбраться? Может, на санях и отвезёте? А там я уж сам, на попутках.

– Ты так и не понял, куда попал?

– Нет, – что-то в его словах меня по нехорошему насторожило.

– Ты – случайник. А к нам ты, как и другие, провалился.

– Никуда я не проваливался. У меня машина загорелась, и я в лес убежал. А потом вообще заблудился.

– Это так все говорят, кто к нам попадает.

– И много попадают? – я пока ещё ничего не понял, но смутно стал догадываться, что мужик знает, о чём говорит.

В голове вихрем пронеслись немногочисленные фантастические рассказы про всяких там «попаданцев», попавшиеся под руку, которые иногда почитывал от нечего делать. Вспомнились сказки, типа той, как девочка прыгнула в колодец, а попала в сказочную страну. Потом вообще полезли разные глупости типа той, что я после удара о сосну так и сижу в машине, а всё это мне видится. Аж дурно сделалось.

– Ты присядь, чайку, вон, с шаньгами перекуси, успокойся, – заметил моё состояние Иван и потянулся к пузатому самовару, венчающему обильно накрытый стол. – Как зовут тебя, что ли?

– Константин, – я принял из рук Ивана ведёрную кружку чая и отхлебнул.

– Ты поешь, Костя. А я тебе кое-что расскажу.

Ничего не предвещало беды. Люди работали и отдыхали, влюблялись и расставались, жили и умирали, огорчались по пустякам и радовались мелким событиям. В общем, всё текло своим чередом, так, как вчера, позавчера, год и десять лет назад. А потом был август. И были Персеиды. Наверное, каждый второй из населения Земли выскочил на улицу, чтобы наблюдать за необыкновенным, захватывающим огненным дождём, льющимся с неба. Тысячи и тысячи метеоров врываются в атмосферу и сгорают в ней, оставляя за собой только огненные росчерки. Планета летела сквозь пространство, врезаясь в поток космических странников, мчавшихся со стороны созвездия Персея, и никто не знал, что в отличие от прошлых лет этот огненный дождь нёс на Землю боль, страдания, разрушения и смерть.

Иван тогда тринадцатилетним пацаном был, но отчётливо помнил, как утром следующего дня пошёл нудный дождь, а по улицам с криками ужаса побежали первые свидетели нового мира. Первым рухнуло здание в центре. Панельная девятиэтажка, построенная сравнительно недавно, внезапно сложилась, словно карточный домик, обрушилась, и разлетелось на осколки, словно была сложена из стеклянных плит. Некоторые из невольных свидетелей бросились на развалины в поисках выживших, и, вдруг, замирали и разваливались на части, словно тоже

внезапно стали фарфоровыми или хрустальными. И никто ещё не знал, что это было первое стылое место.

То, что потом полезло оттуда, описанию не подлежит однозначно. Мерзкие, мохнатые, сочащиеся тошнотворной слизью, существа прыгали в толпу и рвали всех, до кого только могли дотянуться. В воздухе пряно запахло кровью, а от криков и визга закладывало уши, вышибало из головы все мысли и вселяло в души панический ужас. Их потом гнусью назовут. Но, это потом. А тогда люди металась по городу, влетали в новые стылые места и становились жертвами тварей.

Микроавтобус ОМОна, едущий к месту происшествия, влетел в какое-то облако, стелющееся почти у самой земли, проскочил его и, виляя, словно за рулём сидел мертвецки пьяный водитель, проехав ещё пару десятков метров, остановился, а вылезшие из него спецназовцы, странно мерцая, пошли в мечущуюся толпу. В отличие от гнуси, они не рвали людей, не наслаждались оторванными конечностями и не дрались между собой за кусок человечины. Они просто брали людей за руки, и от человека оставалась только высушенная донельзя мумия. Они питались человеческой энергией и высасывали её из человека до последней капли. Это их потом назовут шатунами, а облачка тумана – погибелью. Как и стылых мест, погибели встречалось всё больше и больше, и все, кто влетал в неё, тоже становились тоже шатунами.

Электричество пропало, как, впрочем, и газ, и водопроводная вода. Помаявшись в городе ещё немного, в надежде на то, что скоро проявятся власти и придёт спасение, люди бросали насиженные места и уходили в деревни, или основывали свои, и учились жить по новому, в согласии с природой. Да и людей тех осталось, хорошо, если одна треть от всего населения города. Поначалу тяжело пришлось. Да и все эти стылые места, и погибель, проявлялись и в сельской местности. В лесу запросто можно встретить шатунов, а, если неподалёку окажется стылое место, то и от гнуси приходится отбиваться. Хорошо ещё, что дальше пятнадцати метров гнусь от эпицентра не отходит.

Неизвестно откуда появились радиоактивные пятна, а первые мутанты вырезали с ходу несколько деревень. Это потом люди научились огораживать поселения высоким тыном и выставлять посты. Выживали тогда с трудом, тяжело, и человеческая жизнь совсем ничего не стоила. Поэтому и назвали эти времена Лихом, и всё летоисчисление нового мира стали вести именно с него.

А лет через десять стали появляться странные люди, одетые так, как люди одевались до Лиха, и рассказывающие необычные вещи. Их попадалось много, и все они были из какого-то другого мира, мира, где не было бед, стылых мест, шатунов, погибели и мутантов, и люди жили легко и беззаботно. Их прозвали случайниками, потому, что все они не понимали, как оказались здесь. Кто-то случайно завернул не туда, кто-то случайно споткнулся, а кто-то просто случайно зашёл не вовремя не в то место. В деревнях с местными они как-то не ужились, а стали сбиваться в кучи, селиться обособленно, обустроивая отдельные городки.

Устраивались по разному. Но, как ни странно, дела у случайников пошли неплохо. Местные, например, обустроили свой городок на территории промзоны бывшего города, развернулись и, даже, наладили производство. Попадались, видать, среди них головастые ребята, владеющие технологиями. Наладили производство автоматных и ружейных патронов, снаряжали по новой пустые стреляные гильзы и ремонтировали оружие. Даже, говорят, своё что-то пытаются выпустить. Местные только диву давались. Они-то знания давно растеряли. Столько лет это всё было не нужно. Важнее было научиться на земле работать, скот выращивать, да охотиться, чтобы прокормить себя.

Лет семь назад попавших в этот мир стало всё меньше и, чтобы они не пропали в этих лесах, случайники объявили награду. Те, кто приведёт бедолагу, получает вознаграждение в виде определённого количества патронов. А патроны здесь ценились. Поэтому, узнав обо мне, Иван и проявил должную расторопность и заботу, не только привезя меня из заимки, но ещё

и выйдя, чтобы не дай Бог я не помер. Не видать тогда общине боеприпасов. Я был дорогой находкой, потому что уже года четыре, как случайники вообще перестали попадаться.

Я сидел, обхватив голову руками, и, раскачиваясь, тихонько подвывал. Такой подлости от судьбы получать мне не приходилось. Старый мир полетел в тартарары и все эти договоры, миллионы, тендеры и транши остались где-то там, куда, похоже, возврата нет. И что теперь делать? Неужели придётся обжиться тут? И чем я буду заниматься? Коров пасти? Ох, попал, так попал!

– Ладно тебе так убиваться! – попытался ободрить меня Иван. – Пристраиваются люди, и неплохо живут. Вот, отвезём тебя к ним завтра, сам увидишь. У них хорошо.

Санний путь, наконец, вывел на довольно наезженную дорогу. С удивлением я рассматривал следы автомобильных шин и масляные пятна в снегу. За сутки я, как-то смирился с тем, что попал в средневековье, а тут, явные признаки цивилизации. Кажется, наконец, появился свет в тоннеле. С надеждой я разглядывал приближающийся бетонный забор и большие металлические ворота, к которым и вела дорога. За забором показалась вышка часового, на которой переминался с ноги на ногу постовой в тулупе.

Ворота открылись и, выехавший из них грузовой автомобильчик, бодро пробежал мимо, пытая задранный над кабиной трубой. Я с изумлением разглядывал этот агрегат, переделанный из ГАЗ–53 и восхищался находчивости случайников. Естественно, что бензина, как и солярки, сейчас днём с огнём не найти. Однако, попавшие в этот мир люди не захотели смириться с тем, что придётся отказаться от машин и механизмов и создали газогенераторный двигатель, работающий на дровах. Воистину, у них там есть ребята со светлыми головами!

На въезде, узнав обо мне, дежурный тут же принялся накручивать рукоятку старого полевого телефона. Проорав что-то в тяжёлую бакелитовую трубку, он пропустил нас во внутренний дворик, играющий роль тамбура или отстойника, и указал на стоянку, на которой пара лошадей, запряжённых санные повозки, меланхолично жевали сено.

– Подождите пока здесь, – проговорил он и вернулся на своё место.

Ждали мы недолго. Вскоре открылись ворота со стороны городка, оттуда выехал джип «Тойота» с такой же копящей трубой, как и у Газона, и из него вышел мужчина средних лет в шапке-малахайке, полушубке и унтах. Упругим шагом подойдя к нам, он протянул мне руку и улыбнулся.

– Добро пожаловать в новый мир! – чуть насмешливо произнёс он.

– Да я бы уж лучше в старом ещё пожил, – пробурчал я.

– Как я вас понимаю! Но, никуда не деться. Мы все здесь такие же заложники случая. Не зря нас местные случайниками зовут. Позвольте представиться: я – Макаров Георгий Михайлович, представитель администрации городка. Мне поручили встретиться с вами и ввести вас в наши реалии, так сказать.

– Очень приятно. Константин.

– Мне тоже. Константин, не могли бы вы в двух словах рассказать мне, как попали сюда.

– Ехал из Москвы на машине.

– На какой?

– Мерседес С63SAMG.

– Хм. Не слышал о такой модели. Впрочем, вы, наверное, сюда из более позднего времени попали. Я из начала двухтысячных.

– Я из две тысячи девятнадцатого года.

– Тогда понятно. А дальше что? – принял заинтересованный вид Макаров, совершенно не обращая внимания на нетерпеливо перетаптывающегося Ивана.

– А дальше олень на дороге, тормоза, неуправляемый занос и удар об дерево. Машина загорелась, а у меня полный бак. Полчаса назад заправил. Ну, я и в лес.

– Всё! Дальше пока можно не рассказывать. Вы прошли проверку.

– Какую ещё проверку?

– На подлинность. А то попадаются умники из местных. Найдут хорошо сохранившуюся одежду тех лет, книжечки начитаются и идут сюда. У нас, ведь, жизнь по любому будет полегче. Для местных, за счастье просто на работу к нам в городок устроиться. А как начинаешь спрашивать такого, сразу видно, что он в том мире и минуты не жил.

– Где же они такую одежду в хорошем состоянии находят? Да и книги...

– А там, откуда стильные места уходят. Всё, как в музее сохраняется. Будто только вчера изготовлено. Консервация.

– Начальник, так как насчёт патронов? – несмело прогудел Иван.

– Всё в порядке. Подтверждаю то, что вы действительно привезли случайника. Пойдём со мной.

Они отошли к Тойоте и Макаров, открыв багажник, вытащил и бросил на землю зелёный ящик.

– Забирай. Тысяча патронов пятёрки. Вопросы есть?

– Какие ещё вопросы? – абсолютно счастливый староста подхватил ящик и потащил его к саням. – Ну, Костя, давай, бывай здоров. Может, ещё и свидимся.

– И ты, бывай здоров, Иван, – чуть не прослезился я. – И, спасибо тебе.

– Да, что там? – отмахнулся мужик и, хлестнув лошадь, поехал на выход.

Одним разговором с Макаровым дело не ограничилось и, к моему неудовольствию, мне пришлось мою историю рассказывать ещё три раза, причём разным людям. Наконец, от меня отстали и поместили в карантин. Это вообще явилось для меня неприятной неожиданностью. И, пусть, карантинном была не камера с нарами и парашей в углу, а вполне себе устроенное помещение, бывшая бытовка полуразрушенных мастерских, что отсвечивали своими обломками совсем рядом, это мне совсем не понравилось. Хотя, впрочем, это мало кого волновало. Ну, хоть не тюрьма. Правда, в дополнение к обычной двери была ещё и решетчатая, но наличие тёплого туалета и душа перевешивало.

– Понимаешь, – объяснял мне Сёма, шустрый мужичок в камуфляже и унтах. – Оно по-всякому может быть. Случайник-то ты точно случайник. Это, несомненно. Вот, только в своих блужданиях по лесу мог вполне рядом с погибелью пройти. В саму-то не вляпался, а паров нехороших хватанул.

– И что?

– А то, что тогда колебания твоего магнитного поля не сразу выйдут на межпространственный уровень, а постепенно. Кто знает, может, ты через пару дней мерцать начнёшь. Или, может, ты через радиоактивное пятно прошёл?

– Так, если бы я облучение получил, то у меня уже волосы пучками вылезать бы стали и зубы выпадать. Или не так?

– Слишком поверхностные знания про лучевую болезнь. По-разному бывает даже в наших мирах. А тут, вообще. Это же не просто радиоактивное пятно. Тут гарантированная мутация.

– С чего бы это? Насколько я знаю, мутации должны проявляться лишь в последующих поколениях.

– Мы тоже так думали, пока сюда не попали. И, самое главное, действует только на людей. Так выкручивает, что сразу и не определишь, что это человек бывший.

– А животные?

– На животных, как раз, радиация действует вполне академически. Вылезшая шерсть, язвы, замедленная реакция, слепота... В общем, всё, как по учебнику.

– И сколько мне теперь сидеть здесь?

– Две недели, если, конечно, раньше в какую-нибудь гадость не превратишься. Уж, не обессудь. Это правило, считай, кровью написано. Знаешь, сколько мы людей потеряли, пока до карантина не додумались? С этого момента общаться с тобой будут только через решётку, – кивнул Сёма в сторону двери. – Два раза в день анализ крови тоже через неё. Понял?

– Понял.

– Пока подумай, чем заниматься будешь.

– А чем здесь занимаются?

– По-разному. На производстве работают люди. Мы тут электромеханический цех организовали, патронный заводик, автомастерскую, оружейную мастерскую, ну и ещё много всякого.

– Да, я как-то, не мастеровой человек. Не хочется день-деньской у станка стоять. А, кстати, электричество, откуда у вас?

– Тут до Лиха промзона была. Некоторые предприятия дизеля стационарные имели на случай отключения электроэнергии. Вот мы из них электростанцию и соорудили. Правда на дрова переделали, но ток дают.

– Ясно. А ещё чем у вас люди занимаются?

– Тут от специальности прошлой зависит. Есть клиника небольшая. Там и научной работой занимаются. Попала к нам как-то парочка учёных. Один, даже, с мировым именем. Ну и так, головастые ребята попадаются. Есть поисковики. Эти по лесам шастают, по городским развалинам. Отыскивают то, что хорошо сохранилось после Лиха. Нам, ведь, каждое лыко в строку. Мы и оружие переделываем, и машины на газогенератор ставим, и бытовые приборы приспособляем. Лёгкую промышленность потихоньку осваиваем. Много чем занимаемся. Это местные всё, что до Лиха было, отрунули и своей жизнью живут. А мы пытаемся хоть как-то к тому, что в старом мире было, приблизиться. Да и, всё это когда-то люди придумали, чтобы жизнь облегчить, так, зачем же отказываться? Есть ещё охрана. Сам видел, на вышках часовые стоят. Ну и частное предпринимательство. Кто магазины открывает, кто общепит, кто мастерские различные.

– Слушай, а что вообще здесь происходит? Что это за мир вообще?

– Ну, это лучше бы наши умники рассказали, да кто же с тобой разговаривать-то будет? Короче, с этими Персеидами на Землю прибыло что-то. Не знаю что, и, не уверен, что даже умники до конца поняли сами, что это. Но оно сделало так, что этот мир сдвинулся относительно нашего. Сдвинулся ненамного, может, на несколько микрон. Но сдвиг произошёл. И сейчас в нашем мире всё идёт своим чередом. Кроме того, что нас там нет. И Персеиды прошли там в штатном режиме, без всяких неожиданностей. Как бы тебе объяснить? Вот, представь желоб. Представил?

– Ну.

– По нему потоком воздуха несёт пыль. Это человечество движется в потоке времени. И, вдруг, в этом желобу появляется трещина. Небольшая, такая, но разветвлённая, как в ширину, так и по протяжённости желоба. Что будет происходить?

– Часть песчинок будет туда забиваться, а остальные пролетать мимо.

– Вот именно! Это то, что с нами произошло. Мы попали в трещину, а остальные проскочили. Мы вошли в резонанс с магнитным полем этой реальности и прочно закрепились здесь. Кстати, шатуны потому и мерцают, что колебание магнитного поля входят в дисбаланс с колебаниями этого мира. И получается, что человек частью в своём мире, а частью – в этом. В таком положении мозг уходит в спящий режим, а человек чувствует бешенный энергетический голод и единственное, что может, это искать, у кого бы выкачать энергию. А энергии ему много требуется, ведь поддерживать организм в таком промежуточном положении очень непросто.

– То есть, нам не повезло.

– Получается, что так.

– И, что? Это навсегда?

– Обычно, да.

– Обычно?

– Иногда случается такое, что кто-то пропадает. Но, непонятно, что с этим человеком происходит. Или назад вернулся, или дальше куда провалился. Тут вопрос: насколько глубока трещина? Если она сквозная, то нас так же несёт потоком, но уже под желобом.

– А если нет?

– Тогда мы остановились в потоке времени. Значит, теоретически есть шанс вернуться назад примерно в ту временную точку, откуда пропал.

– Значит, есть шанс?

– Не знаю. Умники надежду возлагают на гибель. Ведь она как-то поддерживает связь с нашим миром, раз шатуны мерцают. Как-то так. Может, что-то я и искажил в своём рассказе, но, как понял своим скудным умишком, так и рассказал. Я же не учёный какой-то. Простой чиновник. Ладно, пошёл я. Счастливо тебе отсидеть.

Две недели карантина тянулись, словно два года. Но всё когда-нибудь заканчивается. Закончился и карантин. Скрипучая решётка на двери распахнулась, и я вышел на свободу. Вот, честно, чувствовал я себя, словно преступник, отсидевший от звонка до звонка. Даже не терпелось выйти на улицу, растереться хрустким снежком и вдохнуть свежий морозный воздух. Но меня провели по коридору в небольшой кабинет, в котором меня встречал, ни кто иной, как Макаров собственной персоной.

– Рад вас видеть, Константин, в полном здравии, – заулыбался чиновник так, словно родню, оставленную в том мире, увидал.

– И я рад, Георгий...

– Михайлович. Вы уж извините за неудобства, но сами должны понимать, безопасность превыше всего.

– Да, мне уже объяснили. Понимаю.

– С этого времени вы полноправный гражданин города Новосельск, нашей колонии. Это мы так свой городок назвали. Конечно, если не захотите переехать ещё куда-нибудь.

– А есть куда?

– К сталинистам, например. В Сталинград.

– К кому?! Какой Сталинград?

– Так, вам не всё рассказали?

– Видимо.

– За всё время с самого Лиха сюда провалилось достаточно много народу. И проваливалось из разных времён. В том числе и из России сталинского периода. В большинстве своём, это идейные коммунисты, не признающие частную собственность, свободу личности и свободу вероисповедания. Не прижились они у нас. Почти все ушли и создали свой городок на севере города, там большой оборонный завод был. Мало кто из них с нами остался. А жаль. Люди, в принципе, хорошие, надёжные. Работать умеют, загляденье. И воевать тоже. Много кто из них через войну прошёл, хребет фашизму ломал. Но, у нас каждый выбирает свой путь. У них – своеобразный коммунизм, а у нас – капитализм. Хотя, принцип у всех один: кто не работает, тот не ест.

– Только две колонии?

– Нет, есть ещё одна, – замялся Макаров. – Сюда разные люди проваливаются. И далеко не по моральным признакам. Разные попадались: и порядочные люди, и полукриминальные, и полностью криминальные элементы. Короче, те, кому законы жмут не хуже тесного ботинка, вполне ожидаемо не смогли жить ни у нас, ни у сталинистов. Они основали свою колонию

в частном секторе, которую назвали «Тортуга». Производить, ничего не производят. Живут, официально, с того, что сбагривают местным то, что находят в городе.

– А неофициально?

– Ну, за руку их не ловили, конечно. Но ходят слухи, что на дорогах шалют, и дальние деревни данью обложили.

– А вы, что?

– А, что мы? Мы в мировые жандармы не нанимались. Каждый свою дорогу выбирает. К нам сунутся, тогда и меры принимать будем. А местные пусть сами думают. Кто им мешает объединиться и изничтожить эту погань?

– Наверное.

– Вот-вот. Но разговор сейчас не об этом. О тебе поговорим. Сразу спрошу: к коммунистам пойдешь, к уркам, или с нами в капитализме поживешь?

– Поздно мне в ударники коммунистического труда стремиться. Да и в пираты не стремлюсь, чтобы на Тортуге отдохнуть. Пока у вас останусь, а там видно будет.

– Ну, тогда, решим так. Жильё мы тебе выделим. У нас с этим проблем нет. Одежду по сезону выдадим. Не обессудь, получишь то, что есть. Потом сам, по своему вкусу, купишь. Подъёмные на первый месяц получишь, конечно. Не много, но ноги с голоду не протянешь. А дальше, уже сам. Определяйся, чем заниматься будешь. У нас даром не кормят. Каждый свой хлеб зарабатывает.

Логично. И не поспоришь. Мне выделили комнату в бывшем административном здании автохозяйства, ныне приспособленном под общежитие. Обычная комната шесть на восемь метров, бывший кабинет, в котором до Лиха сидело несколько клерков. Из обстановки кровать, шкаф, стол, пара стульев и электрическая плитка на табурете с асбестовой подложкой в углу. Жить можно. Осталось решить, чем заняться. И решать нужно быстро, потому, что тех подъёмных, которые я получил от администрации, надолго не хватит. Кстати, к моему удивлению, местная валюта, это те же самые российские рубли, что и в родном мире. Как мне объяснили, их в банках города полно было, да и по магазинам насобирали. Хорошие купюры, с положенной защитой и всякими другими заморочками. Так, зачем что-то ещё изобретать?

Посмотрел я и на городок. Не весь, конечно, но прогулялся, далеко не отходя от общежития. В принципе, неплохо. Широкие бетонированные улицы, ещё раньше проложенные между цехами, и недавно отремонтированные. Сами цеха, приспособленные под мастерские, магазины, производственные и складские помещения. Даже бар есть. Кстати, недалеко от общежития. Редкие, по случаю рабочего дня, прохожие, чувствующие себя уверенно, словно не провалились неведомо куда, а прохаживаются по тротуарам родного мира. Достаточно много машин. Не так, конечно, как там, до пробок им ещё расти и расти, но движение не хиленькое. Светофоров, правда, нет, но знаки присутствуют. Да и не лихачит никто.

В администрацию сходить надо. Необходимо зарегистрироваться и сообщить род занятий. От этого зависит и вид оружия, которое мне выдадут. Если в городке работать буду, то и пистолетом можно обойтись. Всё равно никто за периметр без надобности не ходит. И в городке есть всё необходимое. А, вот, если моя деятельность будет проходить в основном за пределами, то тогда автомат обязателен. Кстати о баре. Надо бы зайти. Говорят, неплохое заведение недалеко есть. Посижу, осмотрюсь, заодно и развеюсь. Может, и пообщаюсь с кем-нибудь, кто введёт меня в курс дела. Всё-таки, администрация одно может говорить, а на самом деле всё совсем по-другому.

Ушан, развалясь, сидел на пластиковом стуле, лениво наблюдая, как на дощатой сцене под музыку извивались две полуголые девицы. Медянка отошла куда-то, и возможность полюбоваться женским телом, можно было реализовать безопасно для нервов и ушей. Уж слишком ревнивой она у него была. С недавнего времени это даже напрягало и стала появляться

мысль как-то избавиться от неё. Но, пока, рано. На гоп-стопах она была незаменима. Ну, кто из обозников не остановится, увидев на дороге хрупкую фигурку рыдающей девушки с глубоко несчастным видом. Даже про оружие забывают.

За последнее время ни одного провального дела. Даже авторитет в Тортуге появился. Люди шептались за спиной, мол, самый удачливый. А, раз так, то и потянулись к нему. Всем хотелось не просто так головы под оружие местных подставлять, а и кусочек пожирнее урвать. Группа росла, и Ушан уже подумывал о том, что пора бы уже уйти с большой дороги, да подмять под себя, хотя бы парочку, для начала, деревенок, да и кормиться с них. А что? Дело спокойное, сытное.

Вон, Киря, Зубан, Хром, Балтика давно уже удельными князьями стали. У каждого по несколько поселений. И живут себе. К ним в группировку даже простой шестёркой не сунешься. Каждый за своё место зубами держится. Да и не пошёл бы Ушан к ним. Не в его характере под кем-то ходить. Он и в том мире сам беспределит. Поэтому и нигде не мог осесть надолго. Не нравилась смотрящим его самостоятельность и инициатива. В паре городов Ушана даже приговорили. Насилу ноги унёс. А тут такие возможности!

Станет он скоро тоже удельным князем. Этот мир ещё не поделен и много ещё мест, которые можно подмять под себя. Ушан не сильно разбирался в истории, но был уверен, что в древности первые князья так и появились. Вот, когда сядет он на деревнях, тогда и Медянка ему не будет нужна. Что с ней делать потом, он не решил. Там видно будет. Может, Гуне отдаст. Он на неё давно масляными глазками смотрит и слюной исходит. А, может, и грохнет, чтобы за спиной не оставлять. Медянка-то, только с виду хрупкая и беззащитная. А внутри она жёсткая, беспощадная и злопамятная. Любой подлости ожидать можно. А вот и она.

– Ушанчик, опять ты на этих селёдок пялишься? – с ходу стала заводиться подруга.

– Да нет. Так, от скуки смотрю. Больше о своём думаю.

– О чём?

– На дело идти нужно. Трое новичков пришли. Их в деле проверим, а там, посмотрим. Может, после этого и пойдём деревни нагибать.

– Быстрее бы уже. Спокойной жизни хочется.

Ушан покосился на Медянку. Спокойной жизни, как же! Девкам в этих деревнях мало не покажется. Особенно красивым. Уж она устроит им весёлую жизнь. Уж в этом он не сомневался. А новичков проверить в деле действительно надо. Они давно ошиваются в Тортуге, да всё по мелочи. С виду, парни, вроде, неплохие. Вот и посмотрим, чего они стоят. Если хорошо себя покажут, группировка получится уже достаточно сильная. Можно будет и к местным навещаться. Ушан развернул карту и в который раз стал всматриваться в условные обозначения дорог, деревень, лесов и рек.

В последнее время стылые места задвигались. Так никаких карт не хватит. Только красным заштрихуешь, а они уже в других местах. Да и погибель чаще появляться стала. Синим очерчены уже занятые территории. Да уж. Тянуть, смысла нет. Скоро уже незанятых деревень не останется. Надо поторопиться. Харя тоже команду набирает. Как бы не схлестнуться с ним в ближайшем будущем.

Эх! Если бы промзону захватить, там бы он королём сел. Это не сельхозпродукция местных. Производства, блага, максимально приближенные к цивилизации, огромные средства там крутятся. Одно то, что там деньги в ходу, а не натуральный обмен, уже о многом говорит. Но тут всей Тортуги мало будет. Оба городка крепко сидят. Правда, разговор шёл, что князья объединяться хотят, армию из местных создавать. Вот, тогда и попробовать можно.

Только основной куш тому достанется, кто во главе всего этого безобразия встанет. Поэтому и договориться пока не могут. А цивилизация манит. Эти придурки патроны и оружие местным почти за даром продают. Если Тортуга власть перехватит, такого не будет. Там все услуги по новому тарифу пойдут. Вот поэтому каждый и стремится главным стать. Тут

стоит побороться. А, чтобы в этот клуб избранных войти, нужно самому князем стать. И силу набрать.

В баре было достаточно свободно. Мягкая ненавязчивая музыка, тёплый приглушённый свет и официанты, бесшумно скользящие между столиками. Даже, на миг, показалось, что никуда я не проваливался, а сижу сейчас где-нибудь в рязанском или коломенском баре по пути домой. Однако, действительность, в виде кобуры на поясе подошедшего официанта, грубо разрушило наваждение. Заказав кружку местного пива и порцию подсоленной жареной картошки, я откинулся на спинку стула и принялся ждать заказа.

– Костик! – раздалось за спиной. – Тебя уже выпустили?

Я обернулся и увидел через пару столиков от меня Сёму, сидевшего с какими-то парнями. Знакомое лицо в этом, чужом для меня, мире обрадовало. Уж слишком одиноким я себя чувствовал в последнее время.

– Да. Карантин кончился.

– Слушай, чего мы перекрикиваемся через столик. Давай к нам.

А почему бы и нет? Хоть пообщаться. Я махнул официанту, чтобы знал, где я, и пересел к Сёме.

– Познакомьтесь, ребята, это Костя. Совсем недавно сюда попал.

– Очень приятно. Стас, – протянул руку мужчина возрастом около тридцати лет, с коротко стриженными волосами и широким обветренным лицом.

– Давненько новичков не было, – улыбнулся второй, помоложе, совершенно лысый. – Меня Васькой зовут. В последний раз четверо года три назад, кажется, появились. И те к сталинистам ушли.

– А почему туда? – удивился я.

– Так они из той эпохи. Их, по-моему, прямо из боя перебросило. Так и попали к нам, закопченные, грязные, с винтовками Мосина наперевес. Вынырнули посреди деревни, и давай палить. Всех жителей тогда перепугали. Хорошо, они сами поняли, что что-то не так. А то кого-то из местных бы точно пристрелили.

Парни засмеялись. Видать, такие истории давно уже стали чем-то вроде местных анекдотов и, хоть как-то, скрашивали монотонность нынешней жизни. Вообще, компания мне понравилась. Простые парни, без задней мысли и камня за пазухой. По крайней мере, на первый взгляд.

– Так ты решил уже, чем заниматься будешь? – поинтересовался Сёма.

– Нет пока.

– А там чем занимался?

– Бизнесом. Крупные поставки спортивного оборудования.

– Интересно. А почему именно этот товар?

– Ну, вообще-то я в своё время серьёзно спортом занимался. А, потом, вовремя полезные знакомства в этой сфере появились.

– Понятно. Здесь тоже бизнесом будешь заниматься?

– Каким? Как говорил известный персонаж из мультфильма: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно купить что-нибудь ненужное». На что я товар буду брать? Или у вас банки есть или банкоматы работают?

– Нет, – засмеялся Стас. – Я и сам сюда провалился с хорошей суммой денег на счету. Знаешь, как обидно было?

– Представляю.

– Слушай, а каким видом спорта ты занимался? – поинтересовался Васька.

– Да я пограничником служил. Там, вдруг, выяснилось, что стреляю хорошо. Стали меня при каждой проверке выставлять. На соревнования от пограничного отряда ездил. Втянулся,

понравилось. Ну и, после службы, нашёл тренера хорошего, а там понеслось. Одни соревнования выиграл, другие, на международные стал выезжать.

– А что завязал?

– Молодёжь поджимать стала. Результаты уже не те. Да и, подумалось, что так и буду мотаться, пока глаза не подводят и рука крепкая. А потом что?

– Оно и верно. Правильно, что вовремя ушёл. А то бывает, что уже не тащит, а всё цепляется. Молодым дорогу не даёт. Вон, в большом спорте через одного такие.

– Ну, ты и загнул, через одного, – передразнил Ваську Сёма.

– А что, сразу, загнул? Ну, может, не через одного. Ноя тебе сейчас навскидку десять фамилий назову.

– Ты ещё их помнишь? – удивился Стас. – Я уже всех позабывал. Это всё в прошлой жизни было, а здесь это – ненужная информация.

– Ладно, – прервал спор Сёма. – Вернёмся к теме. Так, чем ты, Костя, заниматься планируешь?

– Даже не знаю. Может, в охрану податься? Всё-таки, бывший пограничник. Охранять могу.

– А в поисковики не хочешь? – вдруг спросил Стас.

– Не знаю.

– Дело, конечно с известной долей риска, но ты – парень, чувствую, не промах. Может и получится.

– Да я это дело вообще слабо представляю! Что искать? Где искать? Тут знать надо и опыт иметь.

– Стас напарника недавно лишился, – пояснил Васька. – Сейчас один ходит. Сходи с ним, попробуй. Если понравится, дальше ходить будешь. А нет, никогда не поздно отказаться и в охрану махнуть.

– А что с напарником случилось?

– В радиоактивное пятно вляпался, – пояснил Стас. – И скрутило-то так быстро! Раз, и уже ничего человеческого. А пристрелить рука не поднялась. Мы с ним два года работали. Уже, чуть ли не роднёй стали. Сейчас бегает по лесам в ужасном облике.

– А ты говоришь, никогда не поздно. Вот так тоже влечу куда-нибудь, и поминай, как звали.

– Ну, знаешь, если об этом думать, то и жить не стоит. Ну, как?

– Идёт. Давай, попробуем.

– Тогда, завтра оформляйся в администрации, как поисковик, сделай заявку на полноценное вооружение. Автомат, пистолет, охотничий нож. Счётчик Гейгера не забудь. Что у тебя с одеждой?

– Получил тулуп, валенки, свитер и ватные штаны.

– Не пойдёт. Дам я тебе на время кое-что из своего. Полушубок у меня есть, унты дам. К ним ещё лыжи охотничьи. Всё не новое, конечно, но ещё послужит. А потом сам себе купишь. Через два дня у нас выход.

– В лес пойдём?

– Нет. В этот раз по городу. У нас задание от руководства.

Утренний морозец покусывал щёки и хватал за нос. Низкие тучи тяжело тащились по небу, изредка роняя на землю снежинки. Автомат привычно оттягивал плечо, словно я всё так же, как и много лет назад, иду вдоль нейтральной полосы, осматривая вспашку. Мы шли по улице, лавируя между сугробами и глядяваясь в окна домов. С непривычки меня не покидало ощущение, что город следит за нами и ни на минуту не ослабляет своего внимания.

– Что, давит? – обернулся Стас.

– Давит.

– Это поначалу. Мёртвый город. Ничего. Привыкнешь.

Легко сказать, привыкнешь. Город реально подавлял. Пустынные улицы, по которым ветер гоняет мусор, мёртвые окна, словно пустые глазницы черепа, уставившиеся на облепленные воронами деревья.

– В автопарк пойдём, который за старой водокачкой, – говорил Стас, когда мы собирались на выход в город. – Стылое оттуда уйти должно. Проверим. С самого Лиха там сидело. Это хорошо. В стылом месте всё идеально сохраняется. Если ушло, осмотрим машины, выявим в хорошей сохранности, промаркируем, чтобы сталинисты лапу не наложили.

– А что, могут?

– Тут закон один: кто первый встал, того и тапки.

– А на нашу маркировку посмотрят?

– Да. Обязательно. По этому поводу договор есть. Ещё ни разу никто из нас его не нарушил.

Вот и идём. Машины очень нужны. Тут и по общим делам, и в личное пользование многие хотят получить. Поисковики, конечно, с города собирают. Много их стоит, вот, как эти, у обочины. Но, тут, в основном, гниль. Столько лет под открытым небом. Ни одно железо такого издевательства над собой не выдержит. Поэтому и интерес такой к автопарку. Стас, неожиданно, стал резко забирать вправо, потом вообще остановился и, немного постояв, повернул назад.

– Ты чего? – не понял я. – Что за фуэтэ?

– Стылое место впереди. Хорошо, что вовремя заметил. А то пришлось бы от гнуса отбиваться.

– И, что, настолько гнусная эта гнусь?

– Да, приятного мало. Мерзкие твари. Хорошо, что далеко от стылого места не отходят.

– А как ты заметил?

– Видишь, везде снег неровно лежит? Где волнами, где холмиками. А вон там, у стены, полукруг ровный. Увидел?

– Ага, – я действительно увидел совершенно ровную поверхность, словно сделанную искусственно.

– Здание под стылым местом. А недавно его не было. С гастронома, видать, притащилось.

– Почему с гастронома?

– А откуда? Вон там гастроном под стылым местом был. Они по часовой стрелке ходят. Раньше по сантиметру в год, а сейчас, словно сбесились.

Мы сдали немного назад и свернули в переулок. Снегу там оказалось гораздо больше, и идти стало труднее. Никогда не понимал, почему мусор или снег выбирают именно такие, узкие переулки. Ладно, в моём мире. Там, чем улица шире, тем больше народу ходят. А тут? Что проспект, что переулок, одинаково безлюдные. И всё равно снега больше намело. Где-то рядом оглушительно каркнула ворона, заставив меня вздрогнуть и вскинуть автомат.

– Что, нервишки шалят? – усмехнулся Стас.

– Есть немного, – смутился я.

– Да не тушуйся ты. У всех так поначалу. Ты же пустых городов и не видел до этого.

– А ты, можно сказать, видел.

– Видел. Я в своё время сталкерской тематикой увлекался. Все книги про Чернобыль прочитал, наверное. Ну, там, сталкеры, свободовцы, долговцы. Слышал?

– Слышал. Игра такая была.

– С неё у меня это увлечение и началось. Втянулся так, что ночами напролёт играл. Вот и втянулось мне в голову в Чернобыль смотаться. Узнал, что в Киеве туристические фирмы есть, которые в Припять экскурсии организывают.

- Так, опасно же. Радиация там.
- Ну, не так уж и опасно. Радиационный фон повышенный, конечно. Но кратковременное пребывание здоровью не вредит. Главное, местную воду не пить, и куда не надо не лезть.
- Съездил?
- Съездил. По Припяти походил под руководством экскурсовода.
- И как?
- Отрезвило моментально. Посмотрел на всю эту грязь и запустение, и как бабка отшептала. Никакой романтики. Как приехал, все диски с игрой повыкидывал.
- Стас, а ты чем в том мире занимался?
- Не поверишь, ментом был.
- Почему не поверю? Что, менты не люди, что ли? Не могут провалиться?
- Обычно удивляются.
- А каким ментом? ППСником?
- Опером.
- Неплохо. Наверное, навыки здесь адаптироваться помогли?
- Помогли. А теперь, отставить разговоры. Отслеживай ситуацию.
- На что внимание обращать?
- На всё. Любое непонятное – опасно. Понял?
- Понял.

Дорога проходила мимо сквера. Среди разросшихся деревьев и заваленных снегом аллея торчали остатки скамеек. Цепочка следов через площадку с поломанной каруселью насторожила. И кто мог ходить в этом безлюдье? Я дотронулся до локтя Стаса, привлекая внимание, и указал на следы. Стас подобрался и, кивнув мне, переместился за киоск с выбитыми стёклами.

- Может, это сталинисты? – предположил я.
  - Нет. Во-первых, смысла нет через сквер переться. Это же открытое пространство. А во-вторых, тут сталинистам делать нечего. В районе автопарка, это да. Они тоже машины разыскивают.
  - Тогда, кто? Урки?
  - Вряд ли. Шатуны, скорее всего. Только бы не нарваться. Судя по следам, недавно прошли. Где-то недалеко они.
  - Что делаем?
  - Осторожно пойдём. Не сидеть же тут. Давай перебежкой до того угла.
- Я рванул к углу и, прижавшись к стене, присел. Следом подбежал Стас и присел рядом.
- Сейчас вдоль стены пойдём. Нам подальше от этого места нужно отойти. До больницы доберёмся, а там уже и передохнуть можно.

До больницы добраться так и не удалось. В подворотне раздались шаркающие шаги и сдавленное мычание. Я замешкался, пытаясь рассмотреть два силуэта, направляющиеся к нам. Что-то в них было неправильное. Что именно, разобраться не удалось, потому, что Стас довольно грубо дёрнул меня за плечо и, буквально, швырнул вперёд.

- Что застыл, как изваяние? – зло выдохнул он мне в ухо и вскинул автомат.

Пока я соображал, что к чему, напарник уже открыл огонь. Я тоже передёрнул затвор и всмотрелся в надвигающиеся тени. Теперь понятно, что в них было неправильного. Они мерцали. Такое впечатление, что у них со спины включили стробоскоп. Пули отбрасывали их, но они опять выпрямлялись и шли вперёд. Я выстрелил в левого, целясь в голову, но очередь ушла, как говорится, в молоко. От страха руки ходили ходуном, и мне никак не удавалось успокоиться. А, может, я подсознательно старался не попасть? Не знаю. Всё-таки, стрелять в человека я как-то не привык. Правый, наконец, упал, а левый замедлил ход и, кажется, даже мерцать начал как-то более вяло, что ли.

– Что ты возишься там? – крикнул мне Стас, и я, всё-таки, всадил очередь в грудь шатуна. Видимо, это была последняя капля, потому, что после моего выстрела он закачался и упал. А следом на колени рухнул я, и меня вывернуло. Напарник сгрёб меня за шкуру, затащил в подъезд и, выбив ногой дверь ближайшей квартиры, втокнул внутрь. Я лежал на прелом облезлом диване, воняющем кошачьей мочой и гнилью, и выплёвывал желчь. Завтрак из меня вышел минут пять назад, но меня всё равно всё выворачивало наизнанку.

– Ну, ты даёшь! – приговаривал сидящий рядом Стас. – Чего это тебя так скрутило?

– Я в людей никогда не стрелял.

– Ну, во-первых, это не люди.

– А кто?

– Монстры. Они когда-то людьми были, а сейчас, это тупые, злобные монстры, одно желание которых, это высосать из тебя всю энергию, оставив только высушенную мумию. Ну, а во-вторых, ты же пограничник! Уж там-то, наверное, доводилось по нарушителям стрелять?

– Я на границе с Польшей служил. Там спокойно было. В самом худшем случае, разве контрабандиста с сигаретами удержишь. Так, они ребята спокойные. Только «Стой!» крикнешь, он уже ручки вверх тянет.

– Нет, ну надо же! Думал, крутого напарника заимел! Пограничник, стрелок! А он ни попасть в шатуна не может, ни опыта боевого не имеет!

– Ну, так, не бери меня больше! – вдруг разозлился я.

В принципе, он был прав. Я и сам чувствовал, что показал себя далеко не с лучшей стороны. Это-то меня и взбесило. И одновременно было так обидно, что захотелось завывать. Опозорился, как пацан-малолетка.

– Ладно, не бери в голову, – вдруг сменил гнев на милость Стас. – С кем не бывает? Тем более, ты шатуна в первый раз увидел. На меня они до сих пор жуть наводят.

– Слушай, а почему их так трудно убить? Ты же на них полтора рожка потратил. И я видел, что ты ни разу не промахнулся.

– Они в двух мирах живут. Вот и получается, что во время мерцания успевают восстанавливаться. То есть, стрелять в него надо до тех пор, пока у него энергии хватит для мерцания. А, как энергия кончится, тут он и коньки отбрасывает.

– Понятно. Но, слушай, реально жутко. Я же вижу, как у них аж грудь от пуль кипит. А они идут себе, как будто всё нормально.

– Если бы добрались они до нас, быстро бы все раны свои восстановили бы за счёт нашей энергии. Ты, как? В порядке? А то идти надо.

– Я в порядке.

– Точно? Ты мне адекватный нужен.

– Да в порядке я! Пошли.

Широкую заснеженную площадь обошли с краю, прижимаясь к зданию бывшей администрации. Сразу за ним был небольшой скверик со стоящим посередине обелиском. У самого его подножья клубился довольно плотный туман.

– Погибель, – кивнув в его сторону, коротко пояснил Стас. – Запомни. Даже рядом находится опасно.

– Буду знать, – пробормотал я, глядя в клубы то ли дыма, то ли пара. – Действительно, зловещее зрелище.

– Результат этого явления ты видел.

– Ага. Чуть не обделался.

Счётчик Гейгера мягко завибрировал. Стас остановился и принялся высматривать что-то впереди.

– Радиоактивное пятно. Как я их ненавижу!

– Где оно?

– Впереди. Его так не увидишь. Обходим.

Стас нырнул в проход между домами и повёл через двор. Снега там было не в пример больше. Ободранный кот проскочил почти под ногами, брезгливо отряхивая лапы при каждом шаге. Где-то тоскливо завывала собака, словно жалуясь на свою нелёгкую судьбу.

– Долго ещё? – поинтересовался я.

– Устал?

– Нет. Просто слабо себе представляю, сколько ещё идти. Я же город совсем не знаю.

– Ещё пара кварталов. Сейчас дворами пройдем.

Серый бетонный забор автопарка показался из-за поворота. Одна из плит завалилась, уступая напору сильно разросшегося дерева, и мы прошли через эту дыру. Я остановился, с удивлением оглядывая окрестности. А удивляться было чему. Здесь, у самого забора, природа давно взяла своё. Кустарник буйствовал, почти поглотив бетон ограждения, деревья вольготно раскинули свои ветви, а колючая проволока, которая проходила по верху, неопрятно свисала ржавыми лохмотьями. Но это только возле забора.

А чуть дальше, метров через пять – ровная нетронутая поверхность снега и стройные ряды грузовых машин, пусть и не новых, но в полном порядке. Такое впечатление, что только вчера водители пригнали свои автомобили на базу и разошлись по домам, а сегодня, почему-то, не вышли на работу. Целый шифер крытых стоянок, крашенные серебрянкой ворота гаражей, совсем не потускневшие краски на каком-то агитационном щите и блеск мазута на тросе автокрана. Как такое возможно?

– Стылое место, – пояснил напарник, видя моё удивление. – Оно консервирует.

– Я слышал об этом. Но не думал, что настолько. Такое впечатление, что и не прошло столько лет.

– Вот поэтому нам и важно застолбить такие места, как только стиль уходит. Давай, время не трать. Вот мел. Ставь на левых дверях крестики. Тут и выбирать не надо. Все они на ходу. Ты справа начинай, а я слева. Всё. Пошли.

Я бросился к колонне и сразу стал в темпе отмечать кабины. Не понимая, в чём причина спешки, я, всё же, решил подчиниться Стасу и действовать быстро. Слева в таком же темпе мелькал напарник. Две колонны мы прошли минут за пятнадцать, а потом Стас подбежал к гаражам и стал мелом помечать ворота.

– Ты чего? – не понял я.

– В гаражах техника должна быть получше. Ты пока на крытых стоянках помечай.

Осторожное покашливание заставило меня вздрогнуть. Я нырнул за автопогрузчик и передёрнул затвор, отметив краем глаза, как Стас моментально спрятался за кучей старых покрывшек, выставив перед собой свой автомат.

– Эй, мужики! – раздалось из-за крайних машин. – Не стреляйте!

– Кто вы? – крикнул в ответ напарник.

– Мы из Сталинграда.

– О-о! Сталинисты пожаловали! Долго же вы раскачивались!

– Так, мы выйдем?

– Выходите. Только руки от оружия подальше держите.

Между грузовиками возникло какое-то шевеление и на открытое пространство вышли два мужика в ватниках, трёхпалых рукавицах, унтах и шапках-ушанках с кокардой в виде красной пятиконечной звезды. У одного в руках был автомат Калашникова, а у другого легко узнаваемый по художественным фильмам про войну, автомат ППШ.

– Малышев! – вышел из своего укрытия Стас. – Собственной персоной!

– Я, как видишь, – мужик с ППШ довольно осклабился и развёл руки в стороны, словно пытаясь обнять весь мир.

Напарник обернулся в мою сторону и знаком показал, что всё нормально и можно подходить.

– Вот, познакомься, Костя, это начальник поискового отдела Сталинграда товарищ Мальшев Роман.

– Очень приятно, – сильно тряхнул мою руку сталинист. – Новичок?

– Да. Недавно к нам провалился.

– Вот как? Я думал, что случайники закончились.

– Мы тоже так думали.

– А чего это целый начальник поискового отдела выбрался в город?

– Да, так, размяться захотелось.

– Ага, размяться. Скажи лучше, что уж больно жирный куш этот автопарк.

– Ну, и это тоже. Вот, решил с Виталиком пробежаться, – кивок в сторону второго, с Калашниковым.

– Думаю, вы зря торопились. Мы тут поработали немного. Вам ловить нечего.

– Стас! Имей совесть! Вам и так много достаётся. Сталинграду тоже нужны машины.

– И что ты предлагаешь?

– Насколько я понимаю, вон ту колонну вы ещё не поместили.

– Это ещё ничего не значит. Мы были здесь первыми.

– Стас! Давай решим этот вопрос.

– Что взамен?

– Не последний день живём. Мы ещё можем быть полезными друг другу.

– Хорошо, Роман. Я поверю тебе на слово. Та колонна ваша.

Мы присели на крышку и молча смотрели, как обрадованные сталинисты с мелом бегали между грузовиками, живо помечая кабины буквой «С».

– Хорошо работают, – лениво проговорил Стас.

– А зачем мы отдали им ту колонну?

– Целый кулак в рот не запихнёшь, а хорошие отношения на ровном месте не заводятся. Дружба с начальником поискового отдела Сталинграда дорогого стоит.

– Понятно. Что дальше?

– А дальше связываемся со своими и дожидаемся трофейной команды. Все машины на ходу, так, что сами доедут. Там в баках горючка должна быть.

– Какая горючка? За столько лет, что бензин, что солярка, давно уже испортились.

– Не забывай, что всё это время машины находились в стылом месте. А тут консервация качественная.

– Думал, на горючку это не распространяется.

– Ещё как распространяется, – довольно потянулся напарник. – Я ещё и вон тот бак пометил.

В стороне, под отдельным навесом лежал цилиндрический бак, больше похожий на цистерну, уложенную на бок.

– А, что там?

– Солярка.

По факту выхода заплатили очень даже неплохо. Я стоял в конторе администрации и смотрел на пачки купюр в своей руке, не зная, радоваться мне, или огорчаться. Ведь, если сравнить с теми заработками, что у меня в родном мире были, это слёзы. А если сравнить с подъёмными, которые я получил, то это довольно большие деньги. Да и о адекватной стоимости этих денег я мог только догадываться. Видимо, всё же нужно радоваться.

– Что замер? – подошёл ко мне Стас.

– Да, вот, думаю.

– О чём?

– Мерседес на эти деньги не купишь.

– Ну, Мерседес, может, и нет. А, если в кредит, Газон или Уазик газогенераторный, вполне можно взять. Да и зачем тебе Мерс здесь? Тут что-то попрacticalнее надо. Пошли.

– Куда?

– В магазин. Снаряжение будем тебе брать. Сколько можешь в арендованном ходить?

– А тебе жалко?

– Нет. Не жалко. Просто своё иметь лучше, чем чужое донашивать. Или ты передумал поисковиком быть?

– Это ты, наверное, передумал.

– Почему ты так думаешь?

– Ну, я же себя не с лучшей стороны показал.

– А ты хотел с первой ходки суперменом выглядеть? Поначалу все так. Главное, что не ныл и рук не опускал. Вот, если бы ты после встречи с шатунами расклеился, запаниковал, назад бы запросился, я бы с тобой больше никуда не пошёл бы. Но, ты же сумел себя в кучку собрать. Я же видел, как тебе страшно было. Так, что, не тушуйся. Отдохнём, и опять пойдём.

Денег, вроде, много было, но в магазине половину оставили. Зато, я стал обладателем отличного полушубка, лёгких, подбитых пухом штанов, свитера грубой с виду вязки, но необычайно мягкого и удобного, шапки-малахайки, беличьих рукавиц, отличных коротких и широких охотничьих лыж, удобного разгрузилета с кевларовыми вставками, да ещё и по своей ноге унты заказал. Стас дело знал туго. Без его советов я бы точно растерялся и всякую ерунду бы накопил.

Сгрузив все покупки у себя в комнате, я поспешил в бар, где напарник уже застолбил столик и потягивал пиво, забрасывая в рот горсти подсоленной жареной картошки.

– Что пить будем? – кивнул он стоящего рядом официанта.

– Для начала, пива, – бросил я, и официант шустро удалился.

– Пиво, дело, конечно, хорошее. Но я, лично, хочу плотно перекусить.

– Я тоже не против. Что тут подают?

– Шеф-повар здесь очень хорошо делает стейки. Рекомендую.

– Ну, если ты рекомендуешь, то, пожалуй, стейк и закажу.

В итоге я заказал стейк Ти-бон со сложным гарниром, а Стас – стейк Рибай с гарниром из тушёных овощей. Ну и, по салатику и, само собой, бутылочку местной водки. Я покрутил в руках бутылку с яркой этикеткой «Случайник».

– Выглядит солидно. Интересно, как на вкус?

– Вот сейчас и попробуешь. Наливай.

Водка оказалась неплохой. После пары стопок в голове зашумело, и все вокруг показались добрыми и милыми. Стас оказался покрепче и, в конце вечера, даже, помог мне добраться до дома, где я благополучно вырубился. Качество алкогольного напитка удалось в полной мере оценить на утро, когда я, проснувшись, не ощутил ожидаемой головной боли. Конечно, сказать, что я был совсем огурчиком, нельзя было. Состояние было немного деревянным, но в целом всё было нормально.

– Живой? – вломился ко мне в комнату Стас.

– Живой.

– Вот и ладно. Есть что позавтракать?

– Там яйца. Пока умоюсь, яичницу сваргань.

– Сделаю. Иди, мойся.

Пока я плескался в общем умывальнике, а потом принимал контрастный душ, завтрак был уже готов. На плитке исходил паром чайник.

– Я зачем пришёл-то, – принялся заваривать чай напарник. – Ты не передумал со мной работать?

– Нет.

– Тогда есть предложение через пару дней в лес сходить.

– А что там?

– Где-то в лесу находится законсервированный военный объект. Радар дальнего радиолокационного обнаружения.

– И что? Появилась необходимость перехватывать ракеты противника?

– Как ты не понимаешь? Это куча электроники. Пусть и не самой современной, зато надёжной. Это же военная продукция! Да и возможность дальней связи появится! А это означает, что, во-первых, мы из любой точки с базой связаться сможем, а во-вторых, можно поискать другие анклав. Мы же дальше ста километров в радиусе и не отходили отсюда. Кто знает, что там дальше.

– Кстати, а почему дальше не смотрели? Неужели неинтересно было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.